

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Осудзи К., Хохлышева О.О. Клетка суверенитета: ограниченная автономия и результаты развития в постколониальной Африке // Международные отношения. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.76938
EDN: YRTQVZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76938

Клетка суверенитета: ограниченная автономия и результаты развития в постколониальной Африке

Осудзи Кингсли Чибузе

ORCID: 0009-0004-7185-2355

кандидат исторических наук

докторант; институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ kingsleyc05@gmail.com

Хохлышева Ольга Олеговна

ORCID: 0000-0002-7137-8778

доктор исторических наук, кандидат юридических наук

профессор; институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, Нижегородский р-н, ул. Ульянова, д. 2

✉ khokhlysheva@imomi.unn.ru

[Статья из рубрики "ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.4.76938

EDN:

YRTQVZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2025

Аннотация: В данном исследовании представлен инновационный взгляд на политическую экономику постколониальной Африки в период с 1960 по 1979 год, основанный на сравнительном историческом анализе Ганы, Алжира, Кот-д'Ивуара, Анголы и Демократической Республики Конго. В работе вводится понятие ограниченной

автономии развития в качестве концептуальной рамки, призванной преодолеть сохраняющийся в современной научной дискуссии разрыв между понятиями свободы действий и структурных ограничений. Благодаря синтезу данных архивных изысканий, экономической статистики и интервью с влиятельными деятелями, это исследование показывает, что, несмотря на идеологические различия между социалистическими, либеральными и популистскими режимами, наблюдается заметная конвергенция. Она характеризуется первоначальной фазой роста, который впоследствии сменяется структурными уязвимостями. Идеологические установки лидеров существенно повлияли на первоначальные стратегии и союзы; однако сохраняющееся финансовое наследие колониализма и зависимость от сырьевых товаров в конечном итоге ограничились возможностями для достижения устойчивых результатов. Данное исследование интегрирует идеологические рамки и структурные ограничения для создания комплексной объяснительной модели, а также предлагает политические рекомендации, направленные на содействие структурной трансформации в Африке, выходящей за идеологические границы. В исследовании используется смешанная методология, синтезирующая данные из различных источников, таких как национальные архивы, экономические отчеты ООН, меморандумы Всемирного банка и интервью с представителями элит, проведенные в 2024–2025 годах. Анализ выявляет устойчивую закономерность, в соответствии с которой инициативы в области развития, мотивированные идеологическими соображениями, сталкивались с проблемами, порожденными фискальными системами колониальной эпохи, колебаниями на товарных рынках и хрупкими институциональными структурами. Это взаимодействие приводило к кратковременным успехам, которые в конечном счете затмевались глубинными экономическими уязвимостями. Результаты подчеркивают первостепенную важность институционального потенциала по сравнению с идеологией, выявляя повсеместную проблему зависимости от ресурсов и влияния внешних факторов на суверенитет. Исследование указывает на необходимость реализации политики, способствующей экономической диверсификации, проведению меритократических административных реформ, привлечению стратегического внешнего финансирования и развитию "зеленой" промышленной политики. Все эти меры направлены на укрепление автономии развития и устойчивости Африки в условиях глобальной экономики.

Ключевые слова:

постколониальная Африка, экономическое развитие, идеология, государственное строительство, Гана, Алжир, Кот-д'Ивуар, ДРК, Ангола, ограниченная автономия

ВВЕДЕНИЕ

Первые два десятилетия после обретения независимости африканскими государствами (1960–1979 гг.) стали периодом интенсивных политических экспериментов и амбициозных попыток экономической трансформации. Национальные правительства стремились выстроить собственные модели развития, ориентированные на индустриализацию, расширение экспортного потенциала или перераспределение ресурсов, опираясь на различные идеологические доктрины — социализм, либерализм или популистский национализм. При этом их действия неизбежно сталкивались с унаследованными структурными ограничениями: узкой сырьевой экспортной базой, институциональной слабостью государственного аппарата, ограниченностью внутренних бюджетных ресурсов и жесткой зависимостью от внешнего финансирования и мировых

цен на сырьевые товары.

Настоящее исследование направлено на анализ того, каким образом взаимодействие идеологических установок политического руководства и структурных ограничений определяло траектории развития пяти постколониальных государств — Ганы, Алжира, Кот-д'Ивуара, Демократической Республики Конго (Заира) и Анголы — в период 1960–1979 гг., отвечая на ключевой исследовательский вопрос: каким образом взаимодействие идеологий лидерства и структурных ограничений повлияло и в конечном итоге ограничило стратегии развития постколониальных африканских государств в период с 1960 по 1979 год? Сравнение этих кейсов демонстрирует, что, несмотря на значительное идеологическое расхождение, все рассматриваемые государства столкнулись с удивительно схожими паттернами бюджетной уязвимости и зависимостью от внешних ресурсов. Эти явления существенно ограничивали возможности самостоятельного определения курса развития и снижали устойчивость экономической политики.

Исследование делает три ключевых вклада в литературу по исторической политической экономии Африки. Во-первых, предлагается концепция ограниченной автономии в области развития, представляющая собой теоретическую рамку среднего уровня, позволяющую преодолеть традиционную дихотомию между структуралистскими и агентно-ориентированными подходами. Во-вторых, используется методологически строгий смешанный дизайн, включающий архивные данные, лонгитюдные количественные показатели и ретроспективные элитные интервью, проведенные в 2024–2025 гг. В-третьих, демонстрируется, что структурное наследие и глобальная экономическая конъюнктура играли более существенную роль в определении результатов развития, чем идеологические различия между режимами.

Таким образом, статья не только реконструирует раннюю историю постколониального развития, но и выявляет механизмы, сохраняющие актуальность для современных дискуссий об экономическом суверенитете, зависимости от сырьевого экспорта и структурных преобразованиях в Африке.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Историография постколониального развития Африки характеризуется устойчивым методологическим расколом между структуралистскими и агентно-ориентированными подходами. Структуралистская традиция, представляемая работами У. Родни, С. Амина и др., акцентирует внимание на жестких структурных ограничениях, которые формировались в колониальную эпоху и продолжали определять траектории развития после обретения независимости. Эти исследования подчеркивают зависимость африканских экономик от экспорта сырьевых товаров, слабость внутренних финансовых институтов и встроенность в неравноправные глобальные экономические отношения [\[7; 11\]](#).

В противоположность этому, волюнтаристские и агентно-ориентированные подходы — включая теорию государства развития и более поздние институционалистские работы — подчеркивают способность политических лидеров формировать и реализовывать долгосрочные стратегии модернизации [\[9; 5\]](#). Эти исследования утверждают, что институты не являются полностью фиксированными: последовательная политика, организационная дисциплина и административная эффективность могут компенсировать

неблагоприятные структурные условия.

Недавние исследования стремятся преодолеть данную теоретическую дихотомию. Работы Остина [2], Франкемы и Вайенбурга [3] и Галлиена [4] показывают, что колониальные финансовые и административные институты продолжают структурировать пространство возможностей для постколониальных правительств, однако внутри этих ограничений лидеры сохраняют определенную свободу действий. Эти подходы подчеркивают несовпадение между идеологическими целями и реальными условиями, в которых принимаются решения.

Настоящее исследование развивает эту линию, предлагая концепцию ограниченной автономии в области развития. Она рассматривает политическую агентность не как противопоставленную структуре, а как встроенную в систему жестких ограничений — бюджетных, институциональных, внешнеэкономических и геополитических. Идеология, таким образом, выступает посреднической переменной: она определяет начальные стратегические направления, однако конечные результаты формируются во взаимодействии с объективными структурными параметрами.

Эта рамка позволяет объяснить, почему столь разные идеологически режимы — социалистический Алжир, либеральный Кот-д'Ивуар, популистский Заир и индустриально-националистическая Гана — демонстрировали сходные паттерны финансовой нестабильности, зависимости от внешнего капитала и ограниченной способности к структурной трансформации.

МЕТОДОЛОГИЯ

1. Дизайн исследования

Исследование использует метод структурированного и сфокусированного сравнения пяти постколониальных африканских государств: Ганы, Алжира, Кот-д'Ивуара, ДРК (Заира) и Анголы. Эти страны отобраны по принципу максимального идеологического разнообразия и разноплановости стратегий развития, что позволяет выявить влияние идеологии при прочих равных структурных условиях.

Временной охват — 1960–1979 гг. — выбран потому, что он отражает период интенсивных внутренних экспериментов в области развития до начала масштабных программ структурной перестройки 1980-х гг.

2. Источники данных и триангуляция

Для обеспечения достоверности и глубины анализа применена триангуляция трех типов данных:

(а) Архивные документы

Использованы материалы:

- национальных архивов Ганы, Алжира, Кот-д'Ивуара, ДРК и Анголы;
- ежегодных отчетов ЭКА ООН (1963–1978);
- рассекреченных меморандумов Всемирного банка и МВФ;
- дипломатических телеграмм США периода 1960-х — 1970-х годов.

(b) Количественные данные

Экономические показатели взяты из World Development Indicators, IMF Historical Statistics и статистических ежегодников ЭКА. Показатели были стандартизированы к базовому 1960 г. для обеспечения корректного межстранового сравнения.

(с) Элитные интервью

В 2024–2025 гг. проведено двадцать три полуструктурированных интервью с бывшими дипломатами, специалистами по экономическому планированию и государственными служащими. Интервью использованы для ретроспективной верификации архивных данных и реконструкции процессов принятия решений.

3. Аналитическая стратегия

Методология соединяет:

- отслеживание процессов внутри кейсов (process-tracing), позволяющее выявить причинно-следственные механизмы;
- межстрановое сопоставление, направленное на выявление структурных паттернов;
- качественное кодирование NVivo, основанное на заранее сформированной кодовой книге.

Кодирование позволило систематически сопоставить идеологию, стратегические решения и экономические результаты, выделив ключевые механизмы влияния структуры на агентность.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАНОВЫХ КЕЙСОВ (1960–1979)

Сравнительный анализ пяти кейсов демонстрирует, что независимо от идеологических различий все государства столкнулись с набором сходных структурных ограничений.

Таблица 1. Основные структурные параметры пяти стран (1960–1979)

Страна	Основные экспортные товары	Доля ключевого товара в экспорте	Институциональная ёмкость	Зависимость от внешнего финансирования	Идеологическая ориентация
Гана	Какао	55–60%	Низкая, ограниченный административный аппарат	Высокая (кредиты ВБ, МВФ, СССР, Великобритании)	Социалистическая индустриализация
Кот-д’Ивуар	Кофе, какао	~70%	Средняя, благодаря французской поддержке и частному сектору	Высокая (Франция, зона франка CFA)	Либеральная экспортная модель
Заир (ДРК)	Медь	65–70%	Очень низкая, высокая фрагментация	Очень высокая (МВФ, США, внешние кредиторы)	Популистский национализм; «заиризация»
Алжир	Нефть, газ	85–90%	Средняя; сильный фискальный аппарат, слабая углеводородной	Средняя (опора на нефтяные	Государственный

		ренды	промышленная емкость	доходы)	социализм
Ангола	Нефть	85–90%	Очень низкая, разрушение войны	Высокая (СССР, Куба, нефтяные компании)	Марксистская ориентация; война

Источник: Авторский анализ архивных и количественных данных за 1960–2025 гг.

Гана: индустриализация Нкрумы, бюджетные ограничения и внешняя зависимость

Период правления Кваме Нкрумы (1957–1966 гг.) стал одним из наиболее амбициозных экспериментов индустриализации в постколониальной Африке. Гана стремилась стать центром промышленного развития Западной Африки, опираясь на государственное планирование, ускоренное развитие тяжелой промышленности и активное участие государства в экономике. В основе стратегии лежали идеи панъафриканизма, технологического национализма и социалистической индустриализации, направленные на преодоление колониального наследия и создание «экономики с полным производственным циклом». Однако эти амбиции быстро столкнулись с сочетанием жестких бюджетных ограничений, волатильности мировых цен на какао и зависимостью от внешних кредитов.

Первый структурный вызов был связан с экспортной уязвимостью. До 60% государственных доходов в начале 1960-х гг. обеспечивались за счет экспорта какао. Падение мировых цен в 1961–1963 гг. привело к резкому сокращению валютных поступлений, что, согласно архивным меморандумам Минфина Ганы [\[21\]](#), «существенно ограничило возможности финансирования промышленной программы». Государство вынуждено было наращивать внешний долг, который вырос с 74 млн долл. США в 1960 г. до более чем 500 млн долл. к 1965 г. [\[7\]](#). Таким образом, возможности реализации индустриальной стратегии оказались зависимыми от внешних займов — прежде всего британских, советских и китайских.

Второй структурный барьер касался административной нагрузки и слабости институтов. Создание десятков государственных корпораций — Ghana Industrial Holding Corporation (GIHOC) и др. — требовало сложного управления, которого государственный аппарат, сформированный при колониализме для выполнения ограниченных задач, обеспечить не мог. Архивные документы Государственного планового органа фиксируют хроническое несоответствие между масштабами проектов и реальной административной емкостью государства. В итоге многие предприятия работали ниже проектной мощности, демонстрируя операционные убытки.

Третий ограничивающий фактор заключался в росте военных и социально-политических расходов. Политический режим Нкрумы становился все более централизованным, что сопровождалось расширением бюджетов безопасности и строительства «памятников модернизации». Эти статьи расходов конкурировали с капиталовложениями в промышленность, как указывает отчет ЕКА [\[13, с. 101\]](#). Таким образом, идеологически ориентированные инвестиции в символические проекты снижали устойчивость индустриальной программы.

Интервью с бывшими сотрудниками Министерства финансов (2024 г.) подтверждают, что уже к 1964 г. правительство ежедневно принимало решения «в условиях кассового разрыва». В этих условиях стратегия «опоры на собственные силы» становилась невозможной: в 1966 г. Гана вступила в переговоры с МВФ о стабилизационной

программе, что фактически признало провал первоначальной модели [\[8, с. 1147\]](#).

Переход к военному правлению (1966 г.) не устранил структурных ограничений. Путчисты декларировали «коррекцию ошибок», но были вынуждены проводить резкую девальвацию, сворачивание капиталоемких проектов и переход к более либеральной политике. Несмотря на идеологический разворот, результат развития мало изменился: бюджетная зависимость, дефицит счета текущих операций и низкая институциональная емкость ограничивали пространство для автономной политики.

Таким образом, кейс Ганы демонстрирует центральный тезис модели ограниченной автономии: масштаб и направление политики определяются идеологией, но устойчивость и результаты этой политики определяются структурными параметрами, которые государство не может быстро изменить.

Кот-д'Ивуар: либеральная модель Ф. Уфуэ-Буаьи, «экономическое чудо» и скрытая структурная уязвимость

В отличие от Ганы, Кот-д'Ивуар под руководством Феликса Уфуэ-Буаьи выстроил модель, основанную на либеральной экономической политике, тесных связях с Францией и стимулировании частных инвестиций. Экономический рост 1960-х — начала 1970-х гг. часто описывается как «ивуарийское чудо»: ВВП рос в среднем на 7–9% в год, расширялись экспортные плантации кофе и какао, активно строилась инфраструктура. Однако за внешним успехом скрывались жесткие структурные ограничения, которые определили характер и границы экономической политики.

Первым ключевым ограничением была зависимость от французского капитала и финансовых институтов. Согласно отчету МВФ о финансовых договоренностях стран во франке КФА между собой и с Францией [\[15\]](#), более 40% иностранных инвестиций в Кот-д'Ивуаре контролировалось французскими компаниями, а валютная политика регулировалась в рамках зоны франка. Это обеспечивало стабильность, но ограничивало возможности для автономной макроэкономической политики: курс франка КФА жестко привязывался к французскому франку, а денежно-кредитная политика определялась не национальными потребностями, а общими правилами валютной зоны.

Второе ограничение связано с экспортной монокультурой. Несмотря на экономический рост, структура экспорта оставалась крайне узкой: на кофе и какао приходилось около 70% экспортной выручки. Архив Всемирного банка [\[20\]](#) указывает, что устойчивость государства прямо зависела от благоприятной конъюнктуры мировых цен. Падение цен в 1977–1979 гг. стало шоком, приведшим к резкому расширению внешнего долга и бюджетному дефициту.

Третье ограничение касалось трудовой миграции. Модель роста опиралась на привлечение рабочей силы из Буркина-Фасо и Мали, что снижало издержки экспортеров, но создавало социальные напряжения и не стимулировало развитие национальной производственной базы. Это структурно ослабляло потенциал индустриализации — государство получало доходы, но не формировало внутренний технический и промышленный капитал.

Четвертое ограничение касалось зависимости от французской политической и военной поддержки. Как показывают дипломатические телеграммы (1971–1976), руководство страны неизменно согласовывало ключевые стратегические решения с Парижем, что ограничивало пространство для альтернативных экономических курсов, в частности для

развития государственной промышленности [\[26\]](#).

Таким образом, ивуарийская модель демонстрирует важный элемент концепции ограниченной автономии: даже при высоком росте и институциональной стабильности структурные зависимости могут существенно ограничивать долгосрочную модернизацию.

Демократическая Республика Конго (Заир): популистский национализм, институциональная эрозия и ресурсная рента

Режим Мобуту Сесе Секо (1965–1997) часто рассматривается как пример провала государственно-ориентированной модернизации, однако структурный анализ показывает, что многие ограничения были наследием колониального экономического порядка. Важнейшим элементом был характер медно-кобальтовой рентной экономики, где экспорт одного сырьевого ресурса формировал до 70% валютных поступлений.

Попытка провести политику «заиризации» в 1973 г., направленную на национализацию предприятий и передачу их «подлинным гражданам Заира», имела деструктивный эффект. Архивные материалы Всемирного банка [\[17\]](#) фиксируют, что большинство новых управляющих не имели опыта ведения бизнеса, что привело к падению производительности и ухудшению финансовых показателей предприятий. Кроме того, режим использовал национализацию как инструмент политического патронажа, передавая активы сторонникам, что еще более подрывало институциональную эффективность.

Инфраструктурная и административная слабость делали невозможным проведение индустриальной политики: построить промышленность «поверх пустой институциональной структуры» оказалось невозможно. Внутренний рынок оставался малым, транспортные сети — слаборазвитыми, а государственный аппарат — фрагментированным. В таких условиях даже благоприятная конъюнктура мировых цен не приводила к устойчивому развитию.

К середине 1970-х гг. страна стала глубоко зависимой от внешнего финансирования. Несмотря на жесткую ренту от экспорта меди, ВВП на душу населения стагнировал, а бюджетный дефицит рос. Девальвация 1979 г. и стабилизационная программа МВФ показали, что националистический курс не мог существовать без внешних заимствований. С точки зрения модели ограниченной автономии развитие Заира определялось не идеологией, а комбинацией институциональной слабости, рентной структуры экономики и нерациональной политической системы [\[16\]](#).

Алжир: государственный социализм, углеводороды и пределы автономии

Алжир после 1962 г. стал одним из наиболее последовательных приверженцев социалистической модели развития в Африке. Национализация углеводородов [\[28\]](#), создание национальной компании SONATRACH и масштабные государственные планы индустриализации должны были превратить Алжир в «социалистическую индустриальную державу». Однако эта стратегия была тесно связана с конъюнктурой мирового рынка нефти и внутренними институциональными ограничениями.

Период нефтяного бума 1973–1978 гг. обеспечил резкий рост бюджетных доходов и позволил финансировать строительство крупных металлургических и машиностроительных предприятий. Однако архивные данные Министерства промышленности [\[22\]](#) фиксируют хронические задержки строительства, нехватку квалифицированной рабочей силы и слабость проектного управления. Масштабная

урбанизация создала социальное давление на рынок труда, увеличивая текущие бюджетные расходы.

В отличие от Ганы, Алжир обладал большей финансовой маневренностью благодаря нефтяной ренте, но даже она оказалась недостаточной. К концу 1970-х гг. страна столкнулась с эффектом «рентной иллюзии»: высокие доходы маскировали институциональные слабости, а падение цен на нефть в 1978–1979 гг. выявило неустойчивость модели. Таким образом, алжирская социалистическая стратегия оказалась зависимой от внешних факторов, которые не поддавались государственному контролю.

Таблица 2. Типология структурных ограничений и их последствия

Тип ограничения	Проявление	Примеры стран	Последствия для политики
Экспортная монокультура	Доминирование одного сырьевого товара	Гана (какао), Заир (медь), Алжир/Ангола (нефть)	Волатильность бюджета, зависимость от ценовых циклов
Институциональная слабость	Недостаток кадров, слабый контроль, низкая проектная ёмкость	Гана, Заир, Ангола	Остановка проектов, бюрократические провалы, рост коррупции
Внешняя зависимость	Финансовая, технологическая, политическая	Кот-д'Ивуар (Франция), Ангола (СССР), Гана (ВБ, МВФ)	Ограниченная автономия, вынужденные корректировки курса
Геополитические и военные факторы	Конфликты, иностранное вмешательство	Ангола	Милитаризация бюджета, отсутствие стратегического планирования

Источник: Авторский анализ политики, основанный на архивных и количественных данных (1960-1979 гг).

Ангола: марксистская модернизация, гражданская война и нефтяная зависимость

После обретения независимости в 1975 г. Ангола оказалась в уникальной ситуации: марксистская идеология, советская экономическая поддержка и нефтяная рента сочетались с разрушительными последствиями гражданской войны. В отличие от Алжира, Ангола имела еще более узкую экспортную базу — нефть формировала до 90% валютных поступлений, что делало экономику крайне чувствительной к внешним шокам.

Гражданская война создала мощный структурный барьер. Инфраструктура разрушалась быстрее, чем ее можно было восстановить. Архивные документы МРД [\[25\]](#) фиксируют, что до 40% бюджета направлялось на военные расходы. В таких условиях модернизация была возможна только в нефтяном секторе, где иностранные компании обеспечивали

технологическую и организационную основу. Таким образом, даже социалистическая идеология не могла изменить рентную структуру экономики.

Советская и кубинская помощь обеспечивала военную поддержку, но не создавала условий для промышленного роста. В отчетах [\[11\]](#) эксперты подчеркивали, что "минимальный институциональный потенциал" делает невозможным полноценное планирование. Ангола оказалась в ситуации, когда идеология определяла политический курс, но структурные ограничения, включая войну, арендную плату и институциональные пробелы, полностью определяли результаты развития.

Таблица 3. Идеологические цели и реальные результаты политики (1960–1979)

Страна	Идеологические цели	Реальные результаты	Основной механизм расхождения
Гана	Создание национальной индустрии; технологическая самостоятельность	Рост долга; финансовые кризисы; зависимость от импорта	Бюджетные ограничения и волатильность экспорта
Кот-д'Ивуар	Либеральная аграрная экспансия; привлечение капитала	Чудо роста, но высокая уязвимость после 1977 г.	Жёсткая зависимость от французского капитала
Заир	Национализация; «подлинная» экономическая независимость	Институциональный коллапс; дефицит бюджета	Политический патронаж + провальная национализация
Алжир	Социалистическая индустриализация	Частичная индустриализация, зависимость от нефти	Ограничения по кадрам и управлению
Ангола	Социалистическая модернизация	Структурная стагнация, нефтяная рента	Война + отсутствие управленческой базы

Источник: авторский синтез идеологии, основанный на архивных и количественных данных за 1960-1979 годы.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сравнительный анализ пяти кейсов демонстрирует, что несмотря на резкие идеологические различия — от социалистической индустриализации (Алжир, Ангола) и националистического государственничества (Гана, ДРК) до либерального экспортного капитализма (Кот-д'Ивуар) — траектории развития государств в 1960–1979 гг. формировались под воздействием сходных структурных ограничений. Эти ограничения определяли не только доступность ресурсов и эффективность реализации стратегий развития, но и саму способность государств формировать и осуществлять долгосрочную экономическую политику.

Рисунок 1. Модель ограниченной автономии в области развития (1960–1979)

Структурные ограничения как центральный механизм формирования исходов развития

Первое ключевое наблюдение заключается в доминирующей роли бюджетных и валютных ограничений, обусловленных сырьевой зависимостью. Во всех кейсах основная часть экспортной выручки формировалась за счет одного или двух сырьевых товаров: какао в Гане и Кот-д'Ивуаре, медь в ДРК, нефть в Алжире и Анголе. Эта узость экспортной базы делала экономику крайне уязвимой перед внешними ценовыми колебаниями, что последовательно фиксируется в отчетах ЕСА и ВБ 1960–1970-х годов. Падения цен в 1961–1963, 1972–1973 и 1977–1979 гг. приводили к резкому сжатию бюджетных ресурсов, подрывая устойчивость любых стратегий развития, вне зависимости от идеологии режимов.

Второе системное ограничение — институциональная слабость государственного аппарата, доставшаяся в наследство от колониальных администраций, ориентированных на сбор налогов и обеспечение порядка, а не на управление промышленностью. Архивы министерств планирования Ганы, Алжира и ДРК фиксируют хроническую нехватку кадров, низкую проектную емкость, неэффективность управления государственными корпорациями и зависимость от иностранных консультантов. Таким образом, даже при наличии идеологической воли и финансовых ресурсов административные ограничения снижали способность государств реализовывать комплексные программы модернизации.

Третье системное ограничение — зависимость от внешнего финансирования и международных финансовых институтов. В Гане, ДРК и Анголе внешние займы становились основным механизмом покрытия бюджетных разрывов, возникавших вследствие структурных шоков. Либеральный Кот-д'Ивуар зависел от французского финансового и политического патронажа, что ограничивало автономию при выборе макроэкономической стратегии. Социалистические Алжир и Ангола зависели от мировых цен на нефть и внешнего технологического сотрудничества (в частности, с СССР). Таким образом, политические и экономические связи с внешними центрами силы формировали границы возможного маневра для всех рассматриваемых государств.

Роль идеологии: определение направления, но не исходов

Идеология оказывала значимое воздействие на выбор стратегических приоритетов. Гана и Алжир стремились к индустриализации и созданию национальной промышленности; Кот-д'Ивуар сделал ставку на экспортно-ориентированное сельское хозяйство; Ангола и ДРК провозглашали курс на государственный контроль над ресурсами. Однако, как показывают кейсы, идеология определяла направление движения, но не его результат.

Результаты развития во всех пяти странах были ограничены бюджетными и институциональными параметрами, которые не могли быть изменены быстро и полностью

зависели от структурного положения стран в мировой экономике. При благоприятной внешней конъюнктуре идеология могла усиливать темпы роста (например, в Алжире и Кот-д'Ивуаре), однако при неблагоприятных шоках она теряла объяснительную силу: падения цен на сырьё одинаково разрушали и социалистические, и либеральные модели.

Таким образом, в 1960–1979 гг. идеология не являлась определяющим фактором развития; ее влияние было опосредованным и ограниченным.

Концепция ограниченной автономии в области развития: эмпирическое подтверждение

Все пять кейсов подтверждают аналитическую ценность предлагаемой концепции ограниченной автономии в области развития, согласно которой пространство политического выбора определяется взаимодействием трех уровней:

1. Базовых структурных условий (экспортная монокультура, институциональная емкость, зависимость от внешних акторов);
2. Стратегических решений политического руководства (национализация, индустриализация, либерализация);
3. Внешней экономической конъюнктуры (ценовые циклы, доступность кредитов, геополитические альянсы).

Государственная автономия в таком контексте не является фиксированной величиной; она подвержена постоянным колебаниям. Периоды роста цен на сырьевые товары расширяют пространство выбора, позволяя осуществлять амбициозные программы (Алжир 1973–1978; Кот-д'Ивуар 1965–1973). Периоды кризисов сужают его до минимума, вынуждая государства обращаться к внешним кредиторам и корректировать политику (Гана 1964–1966; ДРК 1974–1979; Ангола 1977–1979).

Таким образом, теория ограниченной автономии объясняет, почему столь различные идеологические проекты приводят к столь сходным проблемам: стратегии могут различаться, но структурные пределы — общие.

Значение для сравнительной политической экономии Африки

Системный сопоставительный анализ позволяет пересмотреть классические модели развития, которые противопоставляют «удачные» и «неудачные» случаи модернизации. Результаты исследования показывают, что различия между государствами были менее значимыми, чем сходства. Это позволяет утверждать, что:

- институциональные и финансовые вызовы были общими для региона;
- идеология играла вторичную роль;
- ключевой фактор — структурная позиция в глобальной экономике.

Этот вывод поддерживается как архивными документами (1960–1970 гг.), так и интервью с высокопоставленными чиновниками (2024–2025 гг.), которые последовательно указывали, что «реальная экономическая политика чаще определялась бюджетом, чем идеологией».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование показало, что траектории развития постколониальных

африканских государств в 1960–1979 гг. определялись не столько идеологическими ориентирами политических режимов, сколько структурными ограничениями, унаследованными от колониального порядка и встроенными в их положение в мировой экономике. Хотя рассматриваемые страны — Гана, Алжир, Кот-д’Ивуар, ДРК (Заир) и Ангола — демонстрировали широкий спектр идеологических подходов к развитию, результаты их стратегий оказались удивительно схожими. Все государства сталкивались с волатильностью экспортной выручки, ограниченной институциональной емкостью, зависимостью от внешнего финансирования и жесткими бюджетными рамками, которые определяли пределы осуществляемых ими политик.

Анализ подтверждает, что идеология выполняла роль ориентирующей, но не определяющей переменной. Она задавала направления политики — индустриализацию, национализацию, либерализацию, аграрную экспансию, — однако не могла преодолеть структурные условия, определяющие доступность ресурсов и способность государства осуществлять долгосрочные преобразования. Даже самые амбициозные проекты, такие как индустриализация Нкрумы или плановая экономика Бумедьена, зависели от внешней конъюнктуры и институциональной емкости административного аппарата. В условиях падения мировых цен на сырьё или внутренней нестабильности идеология уступала место вынужденной экономической корректировке.

Предложенная в исследовании концепция ограниченной автономии в области развития позволяет объяснить подобные закономерности. Она показывает, что пространство политического выбора в постколониальных государствах формировалось во взаимодействии трех уровней: структурных условий, стратегических решений и внешней экономической среды. Автономия не была статической; она расширялась и сужалась в зависимости от бюджетной устойчивости, конъюнктуры сырьевых рынков и внешней поддержки. Именно эта динамическая конфигурация объясняет, почему столь разные идеологические проекты приводили к схожим результатам.

Полученные выводы имеют значение не только для исторической реконструкции раннего постколониального периода, но и для современных дискуссий об экономическом суверенитете и моделях развития африканских государств. Экспортная уязвимость, зависимость от внешнего капитала, ограниченная институциональная емкость и циклические колебания автономии остаются актуальными и в XXI веке. Таким образом, опыт 1960–1970-х годов предоставляет важный материал для понимания того, какие структурные вызовы продолжают сдерживать экономическую трансформацию стран Африки и какие стратегии способны обеспечить более устойчивую модель развития.

Библиография

1. Amin S. Accumulation on a World Scale: A Critique of the Theory of Underdevelopment. New York: Monthly Review Press, 1973.
2. Austin G. Africa's Economic Development and Colonial Legacies. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Frankema E., van Waijenburg M. The Economics of the African Colonial State. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
4. Gallien M. States without Governance: Political Survival and Informality in North Africa. Oxford: Oxford University Press, 2019.
5. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford: Stanford University Press, 1982.
6. Mkandawire T. Thinking about Developmental States in Africa. Cambridge: Cambridge

University Press, 2001.

7. Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London: Verso, 1981.
8. Karimu S. Ghana and the IMF: Policy shifts, economic bailouts and macroeconomic outcomes // J. Policy Model. 2024. Vol. 46, No. 6. P. 1146-1164.
9. Mkandawire T. "Institutional Monocropping and Political Economy of African Adjustment." Africa Development, 2001, Vol. 26(1): 1-33.
10. Frankema E., van Waijenburg M. "Metropolitan Blueprints of Colonial Taxation? Lessons from Fiscal Capacity Building in British and French Africa, c. 1880–1940." Economic History Review, 2014, Vol. 67(4): 1-32.
11. Papp D.S. "Angola, National Liberation, and the Soviet Union" Parameters, Journal of the US Army War College. 1978. Vol. VIII (1): 26-39.
12. Economic Commission for Africa. Economic Report on Africa 1963. Addis Ababa: ECA, 1963.
13. Economic Commission for Africa, United Nations. Economic and Social Council. Annual report (3 March 1963-2 March 1964). 1964.
14. Economic Commission for Africa. Survey of Economic Conditions in Africa 1973. Addis Ababa: ECA, 1973.
15. International Monetary Fund. Research Dept. IMF staff papers: Volume 16 no. 2. Washington, DC, USA: International Monetary Fund, 1969.
16. International Monetary Fund. Zaïre: Staff Report for the 1979 Article IV Consultation. Washington, DC: IMF, 1979.
17. World Bank. Zaïre: The Economy of Zaire (In Four Volumes) Volume II: Sectors July 23, Eastern Africa Regional Office, 1975.
18. World Bank. Ghana: Economic Memorandum 1975. Washington, DC: World Bank, 1975.
19. World Bank. World Development Indicators 1977. Washington, DC: World Bank, 1977.
20. World Bank. Ivory coast: A basic economic report (Report No. 1147b-IVC). 1977.
21. National Archives of Ghana. Ministry of Finance: Budget Memoranda, 1962–1964. Accra: NAG.
22. National Archives of Algeria. Ministry of Industry: Industrial Planning Files, 1974–1976. Algiers: ANA.
23. Zaire National Archives. Ministry of Planning: Zaïrianization Policy Documents, 1973–1974. Kinshasa: ZNA.
24. Côte d'Ivoire National Archives. Presidential Correspondence with the French Treasury, 1968–1972. Abidjan: CNA.
25. Angola National Archives. Ministério do Planeamento e Desenvolvimento: Relatórios Econômicos, 1976–1977. Luanda: ANA.
26. United States Department of State. Foreign Relations of the United States: Africa Series. Declassified diplomatic telegrams, 1965–1976. Washington, DC: USDS.
27. Ministry of Planning of the Republic of Ghana. Seven-Year Development Plan 1963–1970. Accra: Government Printer, 1963.
28. SONATRACH. Annual Report 1976. Algiers: SONATRACH, 1976.
29. Banque Centrale des États de l'Afrique de l'Ouest (BCEAO). Rapport annuel 1973. Dakar: BCEAO, 1973.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает влияние структурных экономических ограничений (зависимость от сырьевого экспорта, колониальное институциональное наследие, внешняя задолженность) на реализацию различных идеологических моделей развития в пяти африканских государствах (Гана, Алжир, Кот-д'Ивуар, ДРК, Ангола) в период 1960–1979 годов. Научная актуальность работы обусловлена тем, что она помогает выявить современные вызовы экономическому суверенитету стран Африки, сталкивающимся с похожими структурными зависимостями от глобальных рынков и внешней помощи, и может способствовать более глубокому пониманию современных дискуссий об экономическом суверенитете, ресурсном национализме и структурной трансформации африканских экономик в условиях глобализации, поскольку демонстрирует историческую преемственность ограничений, сохраняющихся по сей день. Практическая значимость исследования заключается в выработке конкретных политических рекомендаций по структурной трансформации африканских экономик (диверсификация доходов через региональные цепочки создания добавленной стоимости, институциональные реформы государственной службы на меритократической основе, стратегическое управление внешним финансированием, «зеленая промышленная политика»), которые могут быть применены современными африканскими правительствами для преодоления исторически унаследованных циклов сырьевой зависимости и повышения экономической устойчивости. Автор применяет методологию структурированного сравнения пяти африканских государств (Гана, Алжир, Кот-д'Ивуар, ДРК, Ангола), отобранных по принципу максимального идеологического разнообразия. Исследование основано на триангуляции трех типов данных: архивных документов национальных архивов, международных организаций и дипломатических источников; количественных экономических показателей, стандартизированных к базовому 1960 году; двадцати трех полуструктурированных интервью с бывшими чиновниками и дипломатами, проведенных в 2024–2025 годах. Аналитически применяется сочетание внутрикейсового отслеживания процессов с систематическим межстрановым сравнением, при этом архивные материалы кодируются с помощью программного обеспечения NVivo для выявления причинно-следственных связей между идеологией, политическими стратегиями и экономическими результатами. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о введении в научный оборот и эмпирической верификации концепции «ограниченной автономии в области развития» как теории среднего уровня, которая преодолевает традиционную дихотомию между структуралистскими и агентно-ориентированными подходами в изучении постколониального развития Африки. Кроме того, в процессе работы обоснован эмпирический вывод о том, что за внешним идеологическим разнообразием постколониальных африканских режимов (социализм, либерализм, популизм) скрывалась глубокая структурная конвергенция, выражавшаяся в универсальных паттернах бюджетной уязвимости и зависимости от внешнего финансирования независимо от политической ориентации режима. Установлено, что институциональная глубина имеет решающее значение для успешности развития, превосходя влияние идеологии – страны с более сильной бюрократией демонстрировали долгосрочную устойчивость. Наконец, по результатам исследования выявлены конкретные механизмы, через которые колониальное институциональное наследие и глобальная товарная конъюнктура ограничивали эффективность стратегий развития сильнее, чем идеологические установки лидеров, что подтверждается синтезом архивных данных 1960–1979 годов с ретроспективными интервью современной элиты. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее

логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Однако вызывают вопросы размеры параграфов, посвященных каждому из пяти выбранных для анализа кейсов: неужели, в рамках одного абзаца можно раскрыть всю сложность и противоречивость протекающих в каждой из этих стран процессов? Кроме того, непонятны причины нумерации всех разделов, начиная с «Введения». В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится исследовательский вопрос о влиянии взаимодействия идеологий лидерства и структурных ограничений на стратегии развития постколониальных африканских государств в 1960–1979 годах, а также формулируются тезисы новизны; - не очень удачный с точки зрения научного стиля раздел «Обзор литературы и теоретические основы», где анализируется теоретический разрыв между структуралистскими подходами (У. Родни, С. Амин и др.) и волюнтаристскими концепциями государства развития, представляется концепция «ограниченной автономии в области развития» как синтезирующая рамка, соединяющая агентность лидеров с структурными ограничениями; - «Методология», где описывается дизайн исследования, включающий отбор пяти случаев по принципу максимального идеологического разнообразия, триангуляцию архивных документов, количественных данных и элитных интервью, а также аналитическую стратегию, сочетающую отслеживание процессов с систематическим сравнением и качественным кодированием в NVivo; - «Сравнительный анализ конкретных примеров», где анализируются пять выбранных стран и выявляются три ключевых паттерна (превалирование институциональной глубины над идеологией; универсальность ловушки зависимости от сырьевой ренты; доминирование глобальных ограничений над локальными идеологическими выборами); - «Обсуждение: На пути к теории ограниченной автономии в развитии», где предлагается авторская модель ограниченной автономии в развитии; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования и формулируется центральный тезис о том, что постколониальные эксперименты в области развития представляли собой не идеологические расхождения, а структурную конвергенцию, обусловленную колониальным наследием и иерархиями мировой экономики, после чего предлагаются четыре блока политических рекомендаций по преодолению структурных ограничений через диверсификацию доходов, институциональные реформы, стратегическое управление внешним финансированием и «зеленую промышленную политику». Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Но в тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, повторы слово в одном и том же или соседних предложениях «...Привели к экономическим ограничениям, которые ограничивают суверенную свободу действий», «Временной охват, охватывающий период...», «...Представили широкий спектр идеологий... Охватывали широкий спектр направлений...»; или плеоназмы «комплексный подход со смешанными методами», «суверенную свободу действий»; или просто крайне странные стилистические решения «Это исследование представляет собой ключевой вопрос...» [как исследование может «представлять собой вопрос»? – рец.], «Это исследование представляет собой три ключевых вклада в понимание исторической политической экономики в африканском контексте» [а здесь исследование «представляет собой» уже три вклада! к этому следует добавить повтор одной и той же формулировки в соседних предложениях – рец.], «ярко выраженную уязвимость»; встречаются и неудачные переводы английских терминов «детерминированные ограничения» [видимо, «deterministic constraints – детерминирующие, или жесткие структурные ограничения»? – рец.], «бюджетной ограниченностью» [видимо, «fiscal constraint – бюджетные ограничения»? – рец.]; не менее странно выглядит таблица 1, в которой имеет место микс из англоязычных и переведенных на русский язык терминов, строчных и прописных букв; рисунок 1 отсутствует, вместо него можно видеть схематическое перечисление элементов модели

(если предполагался рисунок, значит, его нужно сделать; если же речь шла о схеме, то и в заголовке нужно указывать: «схема»); и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «В докладе отмечается, что страна добилась "ежегодного роста показатель в реальном выражении превысил 7 процентов за последние 25 лет"...»; и др.) ошибок, что и стало главной причиной принятия решения об отправке статьи на доработку. Библиография насчитывает 39 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и также содержит целый ряд нарушений в оформлении. Например, автор зачем-то перевел названия иноязычных работ (статья H.Saada «Nationalization of hydrocarbons (1971), one of major economic events in contemporary history of Algeria (Special dossier)» приводится в библиографическом списке под номером 30 в русскоязычном переводе; как и многие другие источники). Есть источники, относительно которых не указаны ни место издания, ни другие атрибуты академического цитирования, что не позволяет верифицировать эти источники (п.п. 10, 17, 33, 35, 36 и др.) Библиографию также необходимо привести в соответствие с академическими требованиями. Апелляция к оппонентам имеет место при обзоре литературы по проблематике исследования. В числе положительных качеств рецензируемой статьи можно отметить методологическую строгость и глубину, а также концептуальную новизну. Исследование демонстрирует редкое для исторических работ сочетание архивных материалов 1960–1970-х годов с современными элитными интервью (2024–2025), что позволяет верифицировать архивные свидетельства через ретроспективную рефлексию участников событий и добавляет уникальное измерение процесса принятия решений, недоступное при работе только с документами. Предложенная концепция «ограниченной автономии в области развития» эффективно преодолевает традиционную теоретическую дихотомию между структурным детерминизмом и волюнтаризмом, предлагая более нюансированное понимание постколониального развития, где агентность лидеров признается, но одновременно систематически анализируются ее пределы, что делает теоретическую рамку применимой к широкому спектру развивающихся экономик за пределами африканского контекста. Однако множество стилистических и грамматических погрешностей в тексте, а также нарушения в оформлении источников делают необходимым доработку статьи.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для исследователей исторической политической экономики, специализирующихся на постколониальном развитии и африканских исследованиях. Работа будет полезна политологам, изучающим взаимосвязь институтов и экономического развития, а также специалистам по теории международных отношений, анализирующим влияние глобальных структур на национальные стратегии. Кроме того, материал представляет практическую ценность для экономических советников правительств африканских стран, аналитиков международных организаций развития (Всемирный банк, МВФ, Африканский банк развития) и экспертов, разрабатывающих современную политику экономической диверсификации и институциональных реформ в развивающихся странах. Представленный материал соответствует тематике журнала «Международные отношения» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.